

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Т. КАЛАШНИКОВА

Информационные технологии и письменное наследие

El'Manuscript-2012

Материалы IV международной научной конференции
Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года

Петрозаводск, Ижевск
2012

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0
И741

Изданы при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-06-06061-г),
гранта РГНФ (проект № 12-04-14154-г) и в рамках реализации комплекса
мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 г.

Ответственные редакторы:

В. А. Баранов, д-р филол. наук, проф.

А. Г. Варфоломеев, канд. физ.-мат. наук, доц.

Информационные технологии и письменное наследие [Текст] :
И741 материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября
2012 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. — Петрозаводск ;
Ижевск, 2012. — 328 с.

ISBN 978-5-8021-1402-5

Сборник содержит материалы конференции, посвященной современ-
ным электронным средствам хранения, описания, обработки, исследования
и публикации памятников письменности и исторических источников.

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0

ISBN 978-5-8021-1402-5

© Петрозаводский государственный
университет, 2012
© Ижевский государственный технический
университет им. М. Т. Калашникова, 2012

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Т. М. Николаева

*Институт филологии и искусств, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Казань*

The author considers the debatable problems, the common opinion of which has not been so far formed by the Russian and foreign scientists: the notion of a term “literary language”, whether the literary language existed in Eastern Slavs before the adoption of Christianity as well as in pre-national epoch, complexities of periodization. Particular attention is given to the discussion of the origin of Russian literary language and the so-called “the second (and the third) South Slavs influence”.

1. Вызывает разные толкования вопрос о предпосылках образования письменной формы литературного языка до принятия христианства, в частности, о первичности устной формы речевого общения и вторичности письменной. Несмотря на кажущуюся очевидность его решения, по этому поводу нет единого мнения. Так, В.В.Виноградов говорил об отсутствии устно-разговорной формы литературного языка, которая «как средство устного общенародного общения между членами языкового коллектива отсутствовала в древнюю эпоху, когда письменно-литературная форма языка непосредственно соотносилась с диалектно-разговорной речью и противопоставлялась этой последней» [Виноградов, 1953].

При разработке проблемы существования устной формы литературного языка весьма ценными являются высказывания Г.Пауля, касающиеся возникновения своеобразного сплава восточнославянских диалектов — языка койнэ в древнейший период, когда «дифференциация диалектов зашла настолько далеко, что уже не все члены языкового сообщества могут легко понимать друг друга... Язык приобретает литературный, общезначимый характер, когда его берут за образец те местности, диалект которых довольно далек от него, что подчеркивает его общезначимый характер» [Пауль, 1960]. Этот сплав выполнял роль государственного языка и функционировал в различных сферах общественной жизни: государственной и юридической практике, публичных выступлениях на вече, дипломатических отношениях и др. По мере того, как язык начинает служить оформлению речей (*послать с речью*), возникает необходимость отбора речевых средств, а это значит, что появляется сознательное к нему отношение — главное условие нормированности и обработанности языка. При этом не надо забывать и о той важной роли, которую сыграл в становлении устной разновидности литературного языка фольклор — устное народное творчество.

Письменная форма возникает как естественное отражение развитой формы литературной речи, как закономерный процесс, необходимый для го-

сударственного управления, обмена информацией внутри государства, осуществления международных связей. Естественна условность границ между устной и письменной разновидностями. Несомненно, что язык такого важнейшего свода законов, как «Русская правда», первоначально существовал в устной форме, носил наддиалектный характер, поскольку нормы устного права были наддиалектными. «Письменно-литературные нормы родного языка в самой своей исходной основе опираются на устную народную речь и на протяжении всей своей истории испытывают мощное воздействие со стороны устной разговорной стихии» [Филин, 1973]. Поэтому логично говорить о письменности, которая возникла у восточных славян задолго до принятия христианства на Руси. Среди многочисленных доказательств существования развитой формы письма у восточных славян до принятия христианства (археологические раскопки, в том числе — Добруджанская надпись 943 года, списки «Паннонского жития», свидетельства иностранных путешественников и др.) наибольшую значимость имеют документальные материалы, в частности, тексты Договоров русских с греками 911, 912, 944, 945 годов, которые свидетельствуют, что русские устно и *письменно* обещают жить в мире с греками, при составлении списков договора русские *пишут* «своею рукою» — «Ивановым *письмом*», русские дают *письменное* обязательство со своей стороны (*список* договора) на утверждение грекам.

2. Вопрос о том, существовал ли литературный язык в донациональную эпоху, возник в связи с высказываниями ученых об отсутствии русского литературного языка в эпоху до XVIII столетия. Их доводы: 1) отсутствие кодификации, а следовательно, узаконенных норм; 2) пестрота средств языкового выражения (смещение восточнославянских и церковнославянских элементов); 3) незначительная роль писателей и древних литературных деятелей [Isatschenko, 1974].

Безусловно, между языком национального и донационального периодов имеются различия: язык X–XVII вв. был менее развит, не обладал всеобъемлющей поливалентностью, был достоянием узких слоев классово расчлененного общества, более свободно допускал на равных правах различного рода регионализмы и т. д. Но можно ли сказать, что «Слово о полку Игореве» — произведение нелитературное? Что касается кодификации, то, как писал В.В.Виноградов, это «признак переменный, а не постоянный...» Кодификация возникает поздно, ее нельзя отождествлять с нормой, которая в языке сколь-нибудь обработанном всегда» [Виноградов, 1969].

Вместе с тем между русским литературным языком донациональным и эпохи нации много общего: литературный язык любого временного отрезка — объективно существующая лингвистическая система, обычно письменно зафиксированная. Эта система обслуживает, хотя и в разной степени, политические, идеологические, культурные нужды общества, она наддиалектна, стилистически дифференцирована, имеет свои традиции и нормы. В связи со сказанным полагаем, что отрицать наличие литературного языка в древний и средневековый периоды нет достаточных оснований.

3. Непрерывность языковой эволюции, делающая проблемным выделение временных отрезков в истории языка, чрезвычайно затрудняет его периодизацию. Эту проблему усложняют следующие факторы: а) развитие русского литературного языка находилось в сложной и тесной связи с историей общества и его культурой, б) структурные языковые изменения не происходят равномерно во всех разновидностях, формах и уровнях системы языка и протекают на его различных участках с разной интенсивностью и несовпадением временных периодов. Вместе с тем любая попытка дать сегментацию исторического процесса, несмотря на свою условность, придает излагаемому материалу более строгую историческую перспективу, помогает сгруппировать языковые явления по хронологическому признаку, рельефно показать этапы, отделяющие современный язык от языка первых письменных памятников.

Известна критика Н.А.Мещерским периодизации, которую предложил А.И.Горшков в своем учебнике по истории русского литературного языка, в котором недостаточно учтена связь языка с экстралингвистическими факторами и которая «страдает излишней дробностью, в ней искусственно разбиваются на отдельные обособленные периоды такие типы языкового исторического развития, которые должны были бы рассматриваться в неразрывном единстве» [Мещерский, 1981].

Периодизация, предлагаемая В.Боеком и его соавторами [Боек, 1974], вызывает возражение прежде всего своей субъективностью, механистичностью, несоответствием историческим событиям. Так, Киевский период оказался объединенным с периодом феодальной раздробленности, Московский период, связанный с образованием языка великорусской народности, ограничен XVI веком, в то время как о начальном этапе формирования языка русской нации можно говорить лишь со второй половины XVII века, «художественный язык» А.С.Пушкина оказывается изолированным, оторванным от предшествующих реформ XVIII столетия.

В прямую зависимость от социологических процессов, происходящих в обществе, ставит Р. Гроссе свою сегментацию, представляя достаточно убедительные доказательства [Grosse, 1969].

Можно было бы согласиться с периодизацией А.М.Камчатнова, который руководствуется тем, что каждый период должен характеризоваться «особой языковой ситуацией» и выделяет три периода в истории русского литературного языка (киевский XI–XIV вв., московский XV – первая половина XVII, национальный – вторая половина XVII до настоящего времени), если бы не дробление последнего временного отрезка, в котором выделяются «подпериоды»: Петровский, Ломоносовский, постломоносовский, Карамзинский, Пушкинский, а также исторический этап, связанный с деятельностью И.И.Греча и А.Х.Востокова [Камчатнов, 2005].

4. Особо остро стоит вопрос о происхождении русского литературного языка, его основе (церковнославянская или исконно русская?). Не считая необходимым проводить анализ многочисленных точек зрения отечественных ученых, которые достаточно известны и основательно описаны [Горш-

ков, 1987], предлагаем обратить внимание на решение данной проблемы некоторыми зарубежными учеными.

Автор учебника для польских студентов-русистов А.Бартошевич, говоря о чрезвычайной близости двух славянских языков, которая создает возможности для использования церковнославянизмов со стилистическими целями, тем не менее, признает ситуацию, возникшую после крещения на Руси как двуязычие [Bartoszewicz, 1979]. Подобную «двуязычную» позицию занимает большинство отечественных ученых.

Не находим ответа и в трудах сторонника диглоссии австрийского ученого Г.Хюттль-Ворт (Фольтер). Однако, исследуя материал летописи, она вынуждена признать, что церковнославянский «оказался недостаточным инструментом для выражения всего диапазона восточнославянской действительности, что привело к образованию смешанного языка летописей» [Хюттль-Фольтер, 1978].

Вызывает возражение точка зрения американского профессора Б.Унбегауна, который, утверждая церковнославянскую основу языка восточных славян, проводит идею о непрерывном развитии церковнославянского до сегодняшнего дня: «Всякого рода новообразования типа: здравоохранение, соцсоревнование, истребитель, хладотехника — типичные церковнославянизмы» [Унбегаун, 1970].

Представляется необходимым дать объективную оценку и показать сущность соотношения русской и церковнославянской стихий после принятия христианства, а это значит — сказать о необходимости дифференцированного подхода к восприятию старославянского (церковнославянского на Руси) как системы и его функциональной предназначенности. Старославянский не имел своей территории, не был языком определенного славянского народа, не обслуживал все сферы общественной жизни, т.е. не был поливалентным, тем самым он не отвечал ни одному из требований, предъявляемых языку как средству общения, коммуникации. Оставаясь в границах локально ограниченного, предназначенного исключительно для религиозного, церковного употребления, он в равной степени обслуживал как западных, южных, так с принятием христианства — восточных славян. В этом смысле он был языком меж- или общеславянским. С официальным крещением Руси в письменность широким потоком хлынули церковнославянские слова и формы. Усложняется речь, появляются стилистические варианты: *Олег нача **города** ставити*, но *Се буди мати **градомъ** русьским*. Становится возможным параллельное использование вариантов: ***ночь** — **нощь**, **дочь** — **дщерь**, **одинъ** — **единъ**, **уноша** — **юноша**, **робота** — **работа**, **ворота** — **врата*** и др. Варьирование этих параллелей в древней литературе свидетельствует о том, что писцы хорошо знали и те, и другие формы, они их использовали избирательно, в зависимости от контекста, от функциональной назначенности: придать тексту либо возвышенную, торжественную, либо бытовую, обыденную маркированность.

О том, что церковнославянский воспринимался восточными славянами как близкий, свидетельствует прямое на то указание в Лаврентьевской лето-

писи: «*А Словеньскый язык и Русьскый одно есть*». Высокая степень структурной тождественности двух языковых стихий, обусловленная единым праславянским началом, сказалась в совпадении их фонологической системы, инвентаря словообразовательных морфем, основного словарного фонда, морфологии, костяка синтаксической структуры.

Принимая во внимание факты, свидетельствующие о наличии у восточных славян своего собственного языка задолго до принятия христианства на Руси, считаем возможным в качестве рабочей гипотезы утверждать следующее: по происхождению русский литературный язык исконно русский, восточнославянский, на определенном историческом этапе стилистически многообразный благодаря использованию богатого арсенала средств старославянского (церковнославянского), который можно рассматривать как стилистическую разновидность русского литературного языка. Должны уточнить, что речь идет лишь о тех стилистических славянизмах, которые имели свои варианты, параллели в восточнославянском.

5. Противоречивые точки зрения о так называемом «втором южнославянском влиянии» освещены в работе Х. Бирнбаума [Бирнбаум, 1974–1975]. Мы полагаем, что это явление было обусловлено комплексом *внутренних* причин общественно-политического и культурного характера развивающегося Московского государства и были нацелены на а) утверждение самодержавной власти, б) возвеличивание церкви, в) обоснование Москвы как центра мировой цивилизации, г) пропаганду искусства, науки и в целом культуры. Поэтому «всплеск» церковнославянизмов в эпоху великорусской народности вряд ли оправданно связывать с деятельностью болгарских и сербских духовных просветителей, как это традиционно делают многие отечественные ученые. Кроме того, сам термин «второе южнославянское влияние», очевидно, предполагает, что в X–XI вв. было «первое», однако, подобная номинация в лингвистической литературе отсутствует.

Обращение к проблеме «третьего южнославянского влияния» вызвано многочисленными публикациями, появившимися в последние десятилетия как в России, так и за рубежом, в которых авторы утверждают значимость «одного из важнейших пределов в истории русского литературного языка», изменившего «все аспекты его функционирования» [Бранднер, 1996].

Вместе с тем, оценивая процессы, которые якобы имели мощное воздействие со стороны представителей юго-западной Руси (Белоруссии и Украины), призывающих ориентироваться на церковную греческую культуру, следовало ожидать, что они должны были бы неизбежно сказаться на языке той литературы, которая выходила из-под пера писцов. Однако этого не оказалось, во всяком случае, в том же «Соборном уложении» 1649 года. Д.Ворт констатирует: «Язык его в своей основе был русский с некоторыми характерными чертами московского койнэ» [Ворт, 1975]. Более того, именно с этим периодом — началом формирования языка русской нации (2-я половина XVII в.) связана деятельность авторов демократической литературы и протопопа Аввакума, направленная на нейтрализацию церковнославянизмов. Поэтому в данном случае более уместно говорить не об активизации церков-

нославянского начала, а о кризисной ситуации системы церковно-книжного стиля, которая усугубилась участвовавшими случаями порчи церковных текстов, реформой графики Петра I и привела к окончательному его распаду.

Список литературы

Bartoschewicz, 1979 — Bartoschewicz A. История русского литературного языка. Варшава, 1979.

Grosse, 1969 — Grosse R. Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache // Deutsch als Fremdsprache. 1969. Bd.6. S.397–410.

Isatschenko, 1974 — Isatschenko A. Vorgeschichte und Entstellung der modernen russischen Literatursprache // Zeitschrift für slawische Filology. 1974. Bd.XXXVII. S.235–251.

Бирнбаум, 1974–1975 — Бирнбаум Х. О значении второго южнославянского влияния в эволюции русского литературного языка // Славянская лингвистика и поэтика. Л., 1974–1975. Т.21. С.23–47.

Бранднер, 1996 — Бранднер А. Третье южнославянское влияние в Московской Руси и становление новорусского литературного языка // Dissertation Slavicae. Szeged, 1996. Linguistik. XXIV. С.49–56.

Boeck, 1974 — Boeck V., Fleckenstein H., Freidank D. Geschichte der russischen Literatursprache. Leipzig, 1974.

Виноградов, 1969 — Виноградов В.В. Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи // Славянские литературные языки в донациональную эпоху. М., 1969.

Виноградов, 1953 — Виноградов В.В. Различия между закономерностями развития языков в донациональную эпоху. М., 1953.

Ворт, 1975 — Ворт Д. О языке русского права // Вопросы языкознания. 1975. № 2.

Горшков, 1987 — Горшков А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к церковнославянскому. М.: Наука, 1987. С.7–29.

Камчатнов, 2005 — Камчатнов А.М. История русского литературного языка. М.: Academia, 2005. С.16–17.

Мещерский, 1981 — Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981.

Пауль, 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Унбегаун, 1970 — Унбегаун Б. Историческая грамматика русского языка и ее задачи // Язык и человек. М., 1970. С.259–273.

Филин, 1973 — Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1973.

Хюттль-Фольтер, 1978 — Хюттль-Фольтер Г. Диглоссия в древней Руси // Wiener slawistischen Jahrbuch. 1978. Bd.24. S.108–125.